

«Подлинное население Киева... держит нейтралитет»: русские монархисты и украинско-большевистское противостояние (январь 1918 года)*

До 1917 года Киев имел репутацию одного из центров и оплотов монархизма и черносотенства. Казалось бы, Февральская революция 1917 года положила этому конец. В августе 1917 года сотрудник журнала «Республиканец», отвечая на вопрос читателя, почему Киев называют черносотенным городом, писал, что это лишь одна из сторон его жизни, причем сторона темная. «Если Киев периода царизма можно было упрекнуть в черносотенстве, то теперь этого сделать никак нельзя, т.к. более смелого, более честного и разумного защитника свободы трудно найти», – заключал он [1]. Но уже к концу года стало очевидно, что монархические настроения многих киевлян никуда не исчезли, просто горожане временно вынуждены были их скрывать. На рубеже 1917–1918 годов политическое положение Киева было крайне запутанным: к власти в городе и округе пришла Украинская Центральная рада, провозгласившая Украинскую народную республику (УНР) и начавшая украинизацию различных сфер жизни, но при этом не пользовавшаяся поддержкой большинства горожан. В Петрограде же власть захватили большевики, вступившие в конфликт с Центральной радой и подталкивавшие своих киевских представителей к выступлению против украинских властей. Настроения русских киевлян, оказавшихся между большевистским молотом и украинской наковальней, – весьма обширная тема, которая заслуживает достаточно подробного рассмотрения. В силу ограниченности места в данной статье мы попытаемся ответить лишь на два вопроса: 1) Как вели себя киевские монархисты и активисты русского движения в январе 1918 года, в период наибольшего обострения украинско-большевистского конфликта? 2) Правда ли, что киевские черносотенцы участвовали в Январском восстании на «Арсенале» на стороне большевиков?

Русские монархические организации, существовавшие до Февральской революции 1917 года, находились в тяжелейшем кризисе. Союз русского народа (СРН), формально сохранившийся, но растерявший большую часть своих членов, никакой публичной активности не проявлял до самого гетманского переворота. Некоторые деятели, ранее состоявшие в монархических организациях, пытались мимикрировать под украинцев: так, например, имеется информация, что некие люди, связанные с черносотенными кругами Холмской губернии и во время войны эвакуировавшиеся в Киев, баллотировались в Украинское Учредительное собрание по списку «Беженцев-украинцев Холмщины и Гродненщины», выставленному в Киевском избирательном округе [2]. По всей видимости, существовали и

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00414 «“Богдановцы против мазепинцев”: русское движение Киева в 1917–1919 гг.».

некие подпольные черносотенные организации, планировавшие заниматься как минимум агитацией. Так, например, газета украинских эсеров «Народня воля» сообщала, что в середине января 1918 года в нескольких больших киевских гостиницах были произведены аресты, связанные с деятельностью черносотенцев. При обысках были изъяты брошюры под названием «Расплата» и «Проклятие», содержащие призывы к восстановлению монархии и борьбе с большевиками и украинцами [3].

Единственной заметной легальной русской организацией, большую часть которой составляли монархисты, был Внепартийный блок русских избирателей во главе с экс-депутатом Государственной думы, редактором газеты «Киевлянин» Василием Витальевичем Шульгиным. Блок был создан летом 1917 года на базе «Киевлянина», Национального культурно-политического общества «Русь», в которое вошли некоторые представители разгромленных черносотенных организаций, и Киевского клуба прогрессивных русских националистов. На выборах в Украинское Учредительное собрание, состоявшихся в январе 1918 года, список ВБРИ получил 29,47% голосов киевлян (без учета воинских участков – 33,22%), заняв безоговорочное первое место и став, таким образом, самой популярной политической силой в городе [4]. Пять лет спустя, находясь в эмиграции, Шульгин так оценил свой опыт участия в избирательных кампаниях: «Наши русские старые партии были <...> заражены парламентаризмом. Кадеты – вполне, почему они и оказались вполне непригодными действовать в революционных условиях. Более правые партии хотя и находились в младенческом состоянии, как партии, но тоже были отравлены ощущением необходимости парламентаризма. Так я, например, всю вторую половину 1917 года занимался “выборной борьбой”. В этой борьбе я в конце концов выиграл Киев и у украинцев, и у большевиков, но, имея за собой десятки тысяч голосов киевлян, не мог оказать ни тем ни другим захватчикам реального сопротивления, ибо не озаботился созданием организованной штыковой силы» [5, с. 2].

Таким образом, возглавляя политическую организацию, пользующуюся наибольшей поддержкой со стороны киевлян, Шульгин не имел собственных вооруженных отрядов, для того чтобы попытаться сыграть роль «третьей силы» в разворачивающемся противостоянии украинцев и большевиков. Когда стало совершенно ясно, что на Киев движутся советские войска, перед Шульгиным и вообще перед всеми русскими киевлянами, во многом ориентировавшимися на него, встал вопрос: кого поддержать?

Позднее Шульгин описал противостояние большевиков с украинцами как борьбу «варваров» с «полуварварами» («московских большевиков» с «киевскими полубольшевиками») [6]. Сам он, очевидно, первоначально склонялся на сторону «полуварваров», и именно к этому периоду – самому концу 1917 или первым дням 1918 года – относятся его переговоры с одним из лидеров украинцев Симоном Васильевичем Петлюрой, просившим помочь ему отбить большевистское наступление. Петлюра, в те дни отодвинутый от власти, занимался созданием своего воинского формирования – Гайдамацкого коша Слободской Украины, деньги для которого он взял у французов. Роль посредника при переговорах Петлюры и Шульгина сыграл лидер «Молодой Украины» – то ли конспиративной русофильской и антантофильской украинской партии, то ли парамасонской организации, агент французской разведки и просто авантюрист Сергей Константинович Маркотун (Маркотун). Год спустя, в январе 1919 года, Шульгин расскажет об этих переговорах на страницах одесской газеты «Россия» в своем открытом письме к Петлюре.

По его словам, на него вышел представитель французской миссии Луи Нинглер и сообщил следующее: «Украинцы разделились. Явно изменническая политика Грушевского и Винниченко, продавшихся или предавшихся немцам, глубоко возмущает г. Петлюру, почему он тайно организовал новую младоукраинскую партию (Jeune Ukraine), которая желает работать с Антантой и быть в теснейшей связи с Россией». Нинглер рассказал, что дру-

зья Петлюры желали бы поговорить с Шульгиным и выяснить, не найдется ли у «русской партии» общих с ними точек соприкосновения. Шульгин согласился, и к нему в качестве представителя «Молодой Украины» и Петлюры явился Маркотун (в статье 1919 года его фамилия не упоминалась, говорилось лишь о «друзьях Петлюры»). По словам Маркотуна, «Петлюра хочет порвать с Грушевским и Винниченко. Они, в сущности, большевики, а кроме того, всецело преданы интересам Германии и ненавидят Россию. Он же, Петлюра, имеет только двух врагов: немцев и большевиков... и только одного друга – Россию. Поэтому разрыв неминуем». Шульгин с интересом выслушал сообщение Маркотуна о «Молодой Украине» и спросил, чем он может быть полезен? Маркотун ответил, что Киев находится в страшной опасности, украинские войска – это одно недоразумение, и к тому же они стихийно переходят на сторону большевиков. При этом вокруг Шульгина как редактора «Киевлянина» группируется очень много русских офицеров (к этому времени фронт фактически развалился, и город был наводнен офицерами, оставшимися не у дел). Если бы Шульгин заключил соглашение с «Молодой Украиной» и направил русских офицеров в украинские части, он мог бы помочь защите Киева. Подумав, Шульгин ответил, что ввиду опасности, угрожающей его родному городу, он готов заключить соглашение с «Молодой Украиной», и условия его не будут тяжелы, хотя, вероятно, эта минута – в смысле уступчивости в политических требованиях – уже больше никогда не повторится. Шульгин изложил свои условия в письменной форме: «1) Эту страну, в которой мы живем и о которой спорим, обе стороны будут называть “Русью-Украиной” (Russie-Ukraine), а народ, ее населяющий, – “русско-украинским”. 2) Будет провозглашено равноправие языков русского и украинского. 3) Офицеры, которыми хотя бы воспользоваться, образуют русский полк, во главе которого станет русский генерал». Таким образом, Шульгин ради спасения Киева от большевиков был готов идти на уступки, ставя со своей стороны достаточно мягкие условия (по крайней мере на его взгляд), но договор так и не состоялся – видимо, Петлюра хотел, чтобы «русская партия» помогла ему без всяких условий, да и к тому же не имевший на тот момент реальных властных полномочий, он вряд ли мог провести в жизнь пожелания Шульгина. Так или иначе, дальше разговоров дело не пошло [7].

После появления в печати рассказа Шульгина о его переговорах с Петлюрой украинская пресса вынуждена была прокомментировать сенсационную новость о том, что головной атаман УНР за год до этого вел переговоры с «украинофобом» Шульгиным. «...Из этого письма видно, что непризнание Украины, термин “Малороссия”, “русская монархия” – это вещи, которыми В. Шульгин может торговать и по которым может делать уступки», – писала украинская газета «Нова рада» [8]. Несколько дней спустя та же газета вообще поставила под сомнение сам факт переговоров: «В письме В. Шульгина нет ничего про встречу и переговоры с самими С.В. Петлюрой, а только про какую-то неведомую группу, из которой ни одно имя не названо. А из французов являлся только какой-то господин Нинглер, которого сами французы отдают под суд. И так, стоит ли из пушек стрелять по этому тщедушному воробышку, которого выпустил В. Шульгин?» [9]. Русскоязычная украинская газета «Столичный голос» отреагировала еще жестче: «Это письмо настолько цинично по своей наглости, настолько лживо-тенденциозно и подло, – да, да, лживо и подло! – что нет возможности говорить о нем не только спокойно, но и реагировать на него обычным способом. В нем все от первой до последней строчки ложь, инсинуация, клевета, рассчитанная на неосведомленность союзников и на экспансивность общественных и политических подонков. Не знаю – захочет ли реагировать на него С.В. Петлюра, но наше общество, наша дипломатия должны, обязаны...» [10]. Насколько нам известно, сам Петлюра информацию о своих переговорах с Шульгиным так и не прокомментировал.

Впрочем, Маркотун, выступавший в качестве представителя Петлюры, факт переговоров подтвердил. «Как стыдно мне теперь перед Василием Витальевичем Шульгиным,

которого перед нашествием в Киев большевиков в 1917 г. [вероятно, опечатка – А.Ч.] я от имени партии просил убедить русское офицерство помочь вам, ручался, что вы не самостоятельный, а друг России и Антанты, как вы себя нам заявляли!» – обращался Маркотун к Петлюре полтора года спустя в своей статье в парижской газете «Общее дело» [11, с. 3]. Можно, конечно, предположить, что Маркотун использовал будущего головного атамана УНР «втемную», вообще не поставив его в известность о переговорах с «русской партией», но, если верить воспоминаниям Шульгина, записанным много лет спустя во Владимирском центральном, к нему вместе с лидером «Молодой Украины» приходил и личный адъютант Петлюры Попов (данный малозначительный факт Шульгин запомнил потому, что этот самый Попов, несмотря на свою великорусскую фамилию, «почитал себя чистокровным украинцем») [12, л. 22].

Так или иначе, соглашение с украинцами не состоялось, и Шульгин – впрочем, как и большинство русских киевлян – остался сторонним наблюдателем разворачивающихся событий. Когда уже в городе шли бои, он в последний раз пришел на заседание Киевской городской думы, гласным которой являлся. «Снаряды рвались над залом, – вспоминал Василий Витальевич. – Под их аккомпанемент я сделал предложение думе, которое было принято единогласно: в борьбе между украинцами и большевиками подлинное население Киева, признавая тех и других узурпаторами, держит нейтралитет» [6, с. 2]. Впрочем, несмотря на провал переговоров с Петлюрой, Шульгин все же передал собранные «Киевлянином» деньги и теплые вещи для отряда генерал-майора К.А. Присовского, сражавшегося на стороне Центральной рады, а также призвал офицеров вступать в данное подразделение. По словам Шульгина, это был отряд, «для вида называвший себя “украинским”, но на самом деле состоявший из наших людей, офицеров, считавших себя русскими» [13, с. 293–294]. Но было уже слишком поздно: вскоре Киев, оставленный войсками УНР, заняли советские отряды во главе с бывшим подполковником, левым эсером Михаилом Артемьевичем Муравьевым. В ночь на 27 января (9 февраля) 1918 года Шульгин был арестован в своей квартире [14] и препровожден в Мариинский дворец, в котором происходили массовые расстрелы, и лишь удачное стечение обстоятельств, а также помощь, оказанная представителями самых разных политических групп, в том числе и некоторыми большевиками, спасли Василию Витальевичу жизнь.

Как известно, Шульгина нередко представляют в виде твердокаменного догматика, не способного к какому-либо сотрудничеству с украинцами, но на самом деле, как мы видим, это было не совсем так. На рубеже 1917–1918 годов он был готов работать с умеренными украинскими кругами, выступавшими за борьбу с большевиками и сохранение антигерманского фронта, даже пытался в своих статьях выделить некую «здоровую» часть украинского движения, готовую продолжать борьбу на стороне стран Антанты (к этой «партии, борющейся против австро-немецких клеветов», он относил Петлюру и украинского «министра иностранных дел» А.Я. Шульгина [15]). Очевидно, что для Шульгина вопрос продолжения войны с немцами был на тот момент ключевым. Большевиков он рассматривал как немецких агентов, а тех украинцев, которые сохранили верность союзникам по Антанте, воспринимал скорее как гипотетических союзников, пусть и временных. Позднее он размышлял: «Для меня большой вопрос, как бы я поступил, если бы Ленин или кто другой, овладевший всероссийской властью, объявил, что он продолжает войну с Германией. Весьма возможно, что я бы подчинился этому правительству, хотя бы на время» [16, л. 4]. Но большевики, как известно, вели мирные переговоры с немцами, и Шульгину ничего не оставалось, как попытаться договориться с Петлюрой, на тот момент взаимодействовавшим с французами. Впрочем, готовность Шульгина к компромиссу ни к чему не привела.

За год, прошедший после этих событий и включивший в себя и союз украинцев с немцами, и смерть сына Василида в бою с петлюровцами, и борьбу украинцев с русскими

ми вывесками в Киеве, Шульгин, несомненно, ожесточился, и какие-либо переговоры с Петлюрой и его людьми для него были уже совершенно невозможны. В марте 1919 года он в письме к послу России во Франции В.А. Маклакову так опишет свое отношение к большевикам и украинцам: «Принцип – Единая Россия – до известной степени приемлется и большевиками, которые недавно выбросили разного рода мазепинцев из Киева. Не думайте, пожалуйста, что мы, киевляне, очень огорчены этим. Наоборот, мы определенно предпочитаем большевиков украинцам, ибо украинцы те же самые большевики, со всеми теми методами управления и террором, но только с бесплатным прибавлением проклятой украинской мовы, от которой делается разлитие желчи у всех, кого не успели перестрелять галицийцы. Поэтому, если нас думают спасти от большевиков при помощи украинцев, то мы категорически отказываемся» [17, с. 44]. Но, как было показано выше, Шульгин пришел к этому выводу только под впечатлением от последующих событий (вероятно, тут свою роль сыграл и разрыв большевиков с немцами), в январе же 1918 года его позиция была иной, и Василий Витальевич был не прочь заключить тактический союз с частью украинцев против большевиков.

Но были люди, готовые подписаться под приведенными выше словами Шульгина уже в январе 1918 года. Здесь мы переходим ко второму поставленному вопросу, а именно к участию черносотенцев (или бывших черносотенцев) в восстании на киевском заводе «Арсенал». Январское восстание на «Арсенале», ставшее одним из самых ярких событий «великого и страшного» 1918 года, и так не обделенного всяческими происшествиями, со временем породило множество мифов. Один из них заключается в том, что киевские черносотенцы приняли активное участие в этом выступлении на стороне большевиков. Было ли это в действительности, или слухи о черносотенцах на «арсенальских» баррикадах не имеют под собой никаких оснований?

Напомним, что большевистское Январское восстание началось 16 (29) января и было подавлено тем самым упомянутым выше петлюровским Гайдамацким кошем Слободской Украины 22 января (4 февраля) 1918 года. Восставшие планировали продержаться до подхода войск Муравьева, наступавших на Киев, но сил на это у них не хватило. Хотя в восстании приняли участие и солдаты (в том числе из ранее «украинизированных» полков), и красногвардейцы с других заводов и районов, роль его ядра сыграли рабочие завода «Арсенал». С одной стороны, это было выступление в поддержку советской власти против «буржуазной» Центральной рады, с другой – в поддержку центрального петроградского правительства, Совета народных комиссаров, против сепаратистов, провозгласивших «самостийность» Украины. «Самостийность» сделала противниками украинства даже многих из тех, кто в прежнее время сочувствовал украинцам, – писал шульгинский журнал «Малая Русь». – Большевики же воспользовались провозглашением самостийности как новым приемом во время агитации в среде простого народа, как всегда прежде, так и теперь в своей массе отрицательно относившегося к отделению Малой Руси от остальной России» [18, с. 11–12].

Киевский публицист А.В. Абакумов в статье, посвященной восстанию на «Арсенале», сообщает следующее: «В Январском (1918 г.) восстании приняли участие не только большевики, левые эсеры, меньшевики-интернационалисты, максималисты и анархисты, но и остатки арсенальских организаций черносотенных партий “Союза русского народа” и “Союза Михаила Архангела”. Это едва ли не единственный случай, когда “белая” и “красная” стороны Второй Русской Смуты оказались в 1917–1919 гг. по одну сторону баррикад» [19]. Кроме того, на просторах Интернета можно встретить и другие утверждения об участии черносотенцев в Январском восстании. Так, например, в «Живом журнале» киевский историк А.Г. Плахонин привел следующее свидетельство: «Мой прадед рассказывал историю несколько иначе. Он во время Первой мировой и революций был мастером на

Арсенале, а в [19]80-е в заводском музее еще висело его фото, так что должен был знать, о чем говорил. По его словам, большая часть рабочих завода была сторонниками Черной сотни, и восстание против Рады подняли именно они. Представители левых партий, разделявшие их антиукраинские взгляды, лишь примкнули к этой массе черносотенцев. Впрочем, когда обстоятельства начали складываться против восставших, черносотенцы побросали оружие и ушли, оставив леваков воевать одних» [20].

Но возникает вопрос, можно ли принимать все это всерьез? Статья в газете, в которой не приводится ни одной ссылки, и комментарий, пусть и не анонимный, в «Живом журнале» – не слишком-то серьезные источники для того, чтобы делать какие-то выводы. В советских мемуарах о Январском восстании ничего о черносотенцах, конечно же, не писали.

Для начала обратимся к киевской прессе начала 1918 года и посмотрим, как она характеризовала «арсенальцев». В украинской газете «Нова рада» мы можем прочесть о том, что власти УНР действительно обвиняли восставших, среди прочего, и в «черносотенстве». Так, Рада народных министров УНР заявила, что к восставшим большевикам сразу же присоединились «черносотенно-монархические организации города Киева», что среди пленных и убитых противников украинцев есть «большевистские агитаторы с Петрограда» и «черносотенные деятели». Самых же восставших украинские власти именовали «черносотенно-большевистскими бандами» [21].

Меньшевики высказались мягче, но примерно в том же духе: «Кто на стороне восставших? Присмотритесь, и вы увидите здесь самых разнообразных людей. Здесь большевики, уже давно объявившие из Петрограда войну Украине и теперь идущие в Киев под лозунгом “вся власть народным комиссарам” большевикам [так в тексте – А.Ч.]. Здесь и явно черносотенные элементы, которые при царе давили всякое национальное движение, а теперь готовы кровью рабочих залить движение украинское. Здесь и рабочие – не большевики, но недовольные политикой Рады» [22].

Украинская социал-демократическая рабочая партия (УСДРП) 25 января 1918 года опубликовала в своем печатном органе «Робітнича газета» воззвание к рабочим Киева (примечательно, что оно было написано на русском языке, хотя сама газета была украиноязычной, – видимо, авторы ясно понимали, что если писать этот текст на украинском, то целевая аудитория обращения может ничего не понять). ЦК УСДРП утверждал, что «восстание подогревалось и поддерживалось черносотенными элементами; среди большевистских отрядов обнаружено их очень много, даже гораздо больше, чем самих большевиков». Действия восставших, по мнению украинцев, открывали широкую дорогу для контрреволюции: «Ведь недаром к большевизму присосалось так много черносотенных элементов и бывших охранников. Контрреволюция отлично понимает, что в той гражданской войне, которую несут большевики, выиграет только она. Черносотенцы и уголовные преступники пользуются гражданской войной и примазываются ко всякому движению в своих контрреволюционных погромных целях. Особенно благоприятную почву для контрреволюции представляет большевистское восстание, и большевики, несмотря на их заявления, что они борются с контрреволюцией, по существу помимо своей воли помогают контрреволюции». В завершение воззвания украинские эсдеки обращались к восставшим киевским рабочим: «Вы не должны быть империалистами, для вас не должно быть “единой неделимой России”» [23].

Но были ли под этими заявлениями хоть какие-то реальные основания? Или слово «черносотенец» использовалось просто как ругательство? Попробуем разобраться. Конечно, дыма без огня не бывает, и, наверное, украинские социал-демократы не стали бы обвинять рабочих в приверженности «единой неделимой России», если бы те начисто отрицали подобные идеи. Но все же обращение УСДРП – это пример контрпропаганды, да и

приверженность идее «единой неделимой России» не является прямым доказательством участия черносотенцев в восстании.

До революции в Киеве количество рабочих-черносотенцев было в разы больше, чем рабочих, состоявших в левых партиях. Только киевский Союз русских рабочих во второй половине 1900-х годов насчитывал, по разным данным, от 3000 до 6500 членов [24, с. 250]. Кроме того, рабочие также состояли и в других черносотенных организациях – Союзе русского народа, Союзе Михаила Архангела, «Двуглавом орле». Официальная советская «История завода “Арсенал” имени В.И. Ленина» неохотно признавала, что до революции на «Арсенале» «пыталась распространить свое влияние черная сотня. На груди у некоторых отсталых рабочих можно было видеть значки погромных организаций. Появлялись черносотенные газеты “Вече” и “Двуглавый орел”». В этой же книге сообщается, что, создав училище при заводе, «власти с самого начала его существования стремились обеспечить там религиозно-монархическое воспитание. С этой целью много часов отводилось “закону божьему”. В то же время на заводе усиливалась реакционная пропаганда». А в начале Первой мировой войны рабочих «Арсенала» и вовсе захватила «“патриотическая” волна» [25, с. 84, 86, 104].

Так обстояло дело в предреволюционное десятилетие. После Февральской революции все рабочие черносотенные организации прекратили свое существование, но встает вопрос, куда подались их бывшие члены? «Арсенал» уже с весны 1917 года становится одним из оплотов РСДРП (б), в остальных частях города особым влиянием не пользующейся. Небольшая группа большевиков смогла увлечь за собой подавляющее число рабочих завода, в том числе и бывших черносотенцев. Лучше понять произошедшее нам поможет статья рабочего «Арсенала» и при этом сторонника украинского движения Ф. Дорошко «Киевский арсенал и большевики», опубликованная уже после восстания. Он писал:

«Со всех сторон можно услышать, что Арсенал – это цитадель киевских большевиков.

Вот и я хочу сказать кое-что про этих большевиков.

В Арсенале работало более трех тысяч рабочих, из них идейных большевиков было аж 2 (если их можно так назвать), это А. Иванов и Фиалек, да еще и третий был, наиразумнейший и наихитрейший из них, – Косяков, октябрьский большевик [то есть присоединившийся к партии уже после октября 1917 года – А.Ч.], с начала революции был беспартийный месяца три, потом меньшевик, далее интернационалист, даже в одно время называл себя эсером, ну а в октябре сделался совсем большевиком.

И вот эти три большевика потянули за собой весь Арсенал.

Как же так получилось, что большинство арсенальцев пошло за тремя людьми? Я думаю, это получилось, потому что, во-первых, эти три добродия наилучшие ораторы из всех арсенальцев, наиболее смелые. Другие социалистические партии хотя имели подходящих, разумных людей, но люди то были слишком несмелые, да еще и здоровьем слабые, что до нас, украинских с.-д., то нам еще и приходилось бороться с тем, что нас называли националистами, шовинистами и т.п.; у меньшевиков было почти то же самое, что и у украинской партии, только что их не называли шовинистами; социалистов-революционеров как партии не было – как российской, так и украинской. <...>

Что же до сознательности “большевистской” массы, то это видно из таких примеров: когда к нам приезжало какое начальство, а особенно бывшая царица Мария Федоровна, то эти самые теперешние большевики прыгали через станки <...> да забегали вперед, чтобы, как говорил Шевченко, “хоть дулю, хоть полдули, лишь бы в самую рожу” дала та цаца. А какие веселые были лица у тех, кому это удавалось» [26, с. 2].

Хотя бывшие черносотенцы и пошли за большевиками, они, очевидно, не смогли за такой короткий срок перестроиться и полностью отказаться от своих прежних взгля-

дов. Да и вряд ли они как-то серьезно пытались понять большевистскую идеологию, идя скорее за броскими и радикальными лозунгами, а не за сухими строчками из «Капитала» Карла Маркса. Итогом подобного «синтеза» порой становились ситуации, выглядящие достаточно абсурдно. Так, например, во время выборов во Всероссийское Учредительное собрание на избирательных записках встречались такие надписи: «Да здравствует № 12. Большевики. Долой жидов» [12 – номер большевистского избирательного списка в Киевской губернии – А. Ч.] [27]. И это при том, что значительную часть сторонников большевиков в Киеве составляла как раз еврейская беднота, а руководящий состав партии был поистине интернационален!

Условный «большевистско-черносотенный синтез» вполне мог иметь место не только на «Арсенале», но и на других киевских заводах. В конце 1917 года в популярной газете «Киевская мысль» была опубликована заметка с интригующим названием: «Монархисты-большевики». В ней рассказывалось о том, что выступление служащих электрического предприятия, проникнутое «большевистской демагогией», возглавил некий бухгалтер Глоба-Михайленко, монархист и человек «самых правых убеждений». «И вот этот монархист в настоящее время ведет большевиков из центральной электрической станции по пути анархизма... Рабочие должны знать, куда они идут и кто их ведет!.. Несомненно, монархист Глоба-Михайленко не удовлетворяется постановлением думы, которая призывает к жертвам... Он их доведет до захвата предприятия», – сокрушался меньшевик И.Л. Левин [28]. Впоследствии, правда, И.М. Глоба-Михайленко написал письмо в редакцию «Киевской мысли», в котором, признавая свое отрицательное отношение к социализму, категорически отрицал, что имеет хоть какое-то отношение к подбиванию рабочих к забастовке [29]. Впрочем, история о том, что «монархисты и правые превратились в большевиков», одним Глобой-Михайленко не ограничилась. Гласный городской думы, избранный от шульгинского Внепартийного блока русских избирателей, Б.Н. Щеглов заявил на одном из заседаний: «История с Глобой-Михайленко – явление не единичное. Я знаю, что во многих заводах и фабриках рабочие, бывшие члены Союза русского народа и Союза Архангела Михаила, теперь стоят в рядах большевиков. Но эти господа ничего общего не имеют с теми политическими течениями, которые мы здесь представляем. Они мечтают о том, чтобы произвести полную реставрацию, положить конец всем свободам, всем конституционным гарантиям и в первую очередь повесить Шульгина и Родзянко» [28].

Сам Шульгин, которого эти бывшие черносотенцы за участие в отречении Николая II относили к «февралистам» и хотели повесить, также полагал, что большевистско-черносотенный альянс вполне реален. В декабре 1917 года он опубликовал статью под заглавием «Большевики и монархисты», в которых доказывал, что крайне правые и ленинцы имеют много общего, и высказывал предположение, что большевизм может эволюционировать в сторону монархизма:

«Мы думаем, что искренние фанатики большевизма весьма легко перейдут на сторону монархии и притом монархии абсолютной, самодержавной.

Черта, характерная для большевизма наших дней, состоит в презрении прежде всего к буржуазным взглядам. А что же может быть «буржуазнее», чем парламенты и парламентаризм и все, с ними связанное? Ведь даже Учредительное собрание Российской республики, избранное по архидемократическому закону, уже признается большевиками «кадетским измышлением».

Да и, по существу дела, большевики не могут не понимать, что большевизм масс весь состоит из элемента нетерпения. Немедленный мир и немедленная дележка всего добра – вот сущность большевизма.

Но ведь каждый, даже глупый, человек может понять, что коллектив, а в особенности коллектив в восемьсот человек, быстро работать не может. Ленин за месяц испек

столько декретов, что Учредительное собрание не “обговорило” бы их и за пять лет. Очевидно, что для “немедленности” декреты – единственная система.

Но что такое декреты? Декреты есть “указы” самодержавной власти. “Быть по сему”, – на подлинном собственной его Ленинства рукой начертано: Ульянов.

Таким образом, большевики на своем собственном опыте убеждаются в истине, впрочем, старой, как свет, что представительные собрания годны только для критики, проводить же реформы может только сильная власть. Если же реформирование должно идти особенно быстро (например, в военное время), то власть по необходимости должна быть диктаторская или самодержавная.

Отсюда только один скачок до царя» [30].

Вообще тема связи большевиков и монархистов в конце 1917 года активно обсуждалась в прессе, причем особенно старалась меньшевистская «Киевская мысль» [31, 32], желавшая опорочить связью с черносотенцами своих бывших соратников по РСДРП. И как будто поводы для этого были. Так, например, один из лидеров СРН академик А.И. Соболевский на выборах в Учредительное собрание голосовал за большевиков, так как те уж больно здорово «расправляются с либеральной слякотью» [33, с. 462]. Как отмечают историки А.А. Иванов и Д.И. Стогов, «вполне можно допустить, что бывшая инертная социальная база многотысячной черной сотни в изменившихся политических условиях действительно могла переориентироваться, как это не покажется на первый взгляд парадоксальным, с крайне-правых на крайне-левых – ведь в социально-экономических доктринах и антибуржуазном пафосе этих двух политически противоположных течений было немало схожего» [34, с. 98]. Историк и литературовед М.С. Агурский в своей книге «Идеология национал-большевизма» также отмечал «частичную общность взглядов либо психологии обоих движений» – черносотенного и большевистского, и указывал на легкость перехода от крайне правых к крайне левым и наоборот [35, с. 60]. Киев, похоже, не был исключением, и какая-то часть черносотенного низового актива действительно поддержала большевиков, почувствовав их силу и предпочтя «февралистам» и украинским сепаратистам комиссарское «самодержавие».

Весьма показателен еще один момент: осенью 1919 года, после занятия Киева денкинскими войсками, в городе возникнет так называемое национальное движение русских рабочих во главе с инженером К.Ф. Кирстой, к которому примкнут трудящиеся многих заводов, в том числе и «Арсенала» [36]. Это достаточно массовое рабочее движение, ориентировавшееся на белых и не имевшее аналогов в других городах, советские исследователи будут обвинять в «аполитичной демагогии», «бешеной “патриотической” пропаганде» и антисемитизме, сравнивать с «зубатовцами» и даже утверждать, что «кирстовцы» пытались «положить начало фашистским союзам на Украине» [37, л. 4, 9, 11]. Нельзя исключать, что среди сторонников инженера Кирсты были и бывшие черносотенцы-«арсенальцы», в январе 1918 года участвовавшие в восстании, а впоследствии разочаровавшиеся в большевиках и вернувшиеся к более традиционной и привычной форме выражения своих взглядов.

Симпатии к восставшим «арсенальцам» испытывали многие киевляне, в том числе и монархисты, оставшиеся верными своим убеждениям. А.В. Бинецкий, в те дни учившийся в киевской Лесной гимназии и в политическом смысле ориентированный на «Киевлянин» и Шульгина, вспоминал о настроениях начала 1918 года: «Население города Киева крайне враждебно относилось к украинской власти. Многие лица, далеко не большевистского лагеря, соглашались скорее принять власть большевиков, чем украинцев. Шовинизм и глупость последних бросали в лагерь большевиков даже монархистов. Правда, редкие смельчаки становились открыто на сторону большевиков, но они делали т.н. общественное мнение. Это общественное мнение было враждебно Центральной раде. Киевские обыватели так думали: “Справиться бы с украинцами, т.к. они для всей

России представляют большую опасность, а большевики сами пропадут... Дни их власти сочтены...» [38, л. 63–63 об.]

Подобные настроения были не только в Киеве, но и в других городах самопровозглашенной УНР, в частности, в Одессе. Лидер одесского Русского народно-государственного союза (русской патриотической организации умеренного толка, впрочем, включавшей в свои ряды и некоторых бывших черносотенцев) И.И. Дусинский вспоминал: «...По отношению к Украинской Раде позиция союза все время была отрицательной, так как самостоятельная политика Рады стояла в прямом противоречии с основной общерусской платформой союза. Поэтому в периоды столкновений между украинцами и большевиками симпатии руководителей союза были определены на стороне последних. В частности, например, совет союза дебатировал даже вопрос о посылке приветствия главверху Муравьеву по случаю взятия им Киева, и приветствие не было послано лишь вследствие более быстрого, чем ожидалось, прибытия Муравьева в Одессу, а приветствовать в Одессе было неудобно, так как могло быть истолковано как заискивание...» [39, л. 128–129].

Есть и другие свидетельства, подтверждающие, что в конце 1917 – начале 1918 года многие большевики, действовавшие на Украине, если и не состояли ранее в черносотенных союзах, то вполне разделяли некоторые из их идей. Так, например, генерал-майор В.А. Мустафин вспоминал, что после вступления войск Муравьева в Киев в феврале 1918 года пожилой большевик, проводивший обыск в его квартире, выразил удовлетворение тем, что обыскиваемые не украинцы, а также сообщил, что надо стоять за «единую Россию»: «Мы, большевики, ее сделаем вовсе великой и отобьем охоту у хохлов и других растаскивать ее по частям!» [40, с. 443]. Да и сам левый эсер М.А. Муравьев, командовавший взятием Киева советскими войсками, признавал, что «в 1905 году был, как и большинство тогда офицеров, черносотенцем» (очевидно, имея в виду идейное сочувствие черносотенцам, а не формальное членство в какой-либо монархической организации) [41]. Шульгин был свидетелем того, как один из командиров большевиков, прапорщик А.О. Ремнев, попросил всех выйти из помещения своего штаба, заявив, что «сюда может входить только или Ленин... или Николай Второй!» [42]. По городу ходили слухи, что Муравьев лично сказал Шульгину: «Мы делаем с вами то же самое дело. Вы – пером, я – штыком». Шульгин, вынужденный опровергать этот слух на страницах «Киевлянина», посчитал, что тот был запущен «супротивниками» (очевидно, украинцами), желавшими связать его в общественном мнении с большевиками [43]. Конечно, нельзя исключать, что слухи о союзе черносотенцев и большевиков специально запускались украинцами. Но весьма показательно то, что в середине января 1918 года заявления украинской прессы об участии «контрреволюционеров-черносотенцев» в восстании должны были дискредитировать большевиков. Теперь же, месяц спустя, наоборот, заявление о связях с большевиками должно было опорочить «черносотенца» Шульгина. Василий Витальевич, желая избежать таких ассоциаций, еще в ходе Январского восстания, когда только появились слухи о связи восставших с черносотенцами, сделал специальное заявление о том, что его «Внепартийный русский блок» в этих событиях никакого участия не принимал [44].

Настроения муравьевцев, захвативших Киев в конце января 1918 года, на самом деле были крайне специфическими и совершенно не характерными для позднейших этапов большевизма. Городской голова Киева эсер Е.П. Рябцов рассказывал тому же Шульгину, что муравьевцы, хотевшие его арестовать, ворвались со словами: «А, украинский городской голова!» Рябцов сказал в ответ: «Да, по фамилии Рябцов и родом москвич». Этот ответ его спас: «физиономии», пришедшие его арестовывать, расплылись от удовольствия, и городского голову оставили в покое. «Этот маленький эпизод очень рельефно показывает, что истинная цель устроителей похода на Киев была вовсе не счеты с буржуазией, как будто притаившейся около Рады, а стремление разбудить вражду между

великороссами и малороссами... Если бы городской голова носил фамилию не Рябцов, а Рябченко, то весьма возможно, что его уже и не было бы на свете», – делал вывод Шульгин [45, с. 53]. В этом смысле, конечно, не приходится говорить о каком-то русском (общерусском) национализме, якобы исповедуемом муравьевцами в начале 1918 года. Их взгляды, представлявшие собой гремучую смесь из большевистских лозунгов и ненависти к «хохлам-сепаратистам», скорее можно охарактеризовать известным ленинским ругательством – «великорусский шовинизм» (хотя, конечно, «вождь мирового пролетариата», используя данный термин, имел в виду нечто иное). Само собой, что Шульгин, исповедовавший общерусские идеи, идеи единства малороссов, великороссов и белорусов, не мог испытывать никакой симпатии к муравьевцам, ненавидевшим «хохлов» и устроившим кровавую баню на улицах Киева.

Действительно, сразу же после вступления в город советских войск во главе с Муравьевым начались массовые расправы над офицерами и «буржуями», а также грабежи. Все это привело к тому, что у многих русских обывателей Киева от большевистских симпатий не осталось и следа, и вступление в город немецких оккупантов многие из них встречали пусть и без особой радости, но все же с облегчением. На страницах украинского иллюстрированного журнала «Гедз» появилась примечательная карикатура, высмеивающая русских киевлян, симпатизировавших большевикам, но потом сильно в них разочаровавшихся. На первой картинке изображен «югоросс» (то есть киевлянин, считавший себя малороссом, русским Южной Руси) в хорошем пальто и меховой шапке, удовлетворенно насвистывающий при виде входящих в город муравьевцев: «Слава тебе, Господи! Наконец пришли истинно русские люди!..» Вторая картинка изображает произошедшее на следующий день. Тот же киевлянин стоит с поднятыми вверх руками, а в его карманах роется звероподобный красногвардеец, размахивающий револьвером и кричащий: «Жизнь или кошелек!!!» На третьей картинке киевлянин, избитый и раздетый до нижнего белья, молится: «Господи, если бы побыстрее мазепинцы назад вернулись!» [46].

Подведем итоги. Очевидно, что большая часть русского населения Киева осталась в стороне от противостояния украинцев и большевиков. Некоторые из русских политических лидеров, например Шульгин, на тот момент считали, что большевики представляют большую опасность по сравнению с украинцами, и поэтому пытались вести переговоры с теми представителями украинского лагеря, которые, как тогда казалось, ориентируются на страны Антанты и не являются радикальными русофобами. По иронии судьбы, подобным человеком оказался Петлюра. Впрочем, компромисс найти так и не удалось, и «Внепартийный русский блок» Шульгина не принимал никакого участия в развернувшихся боевых действиях, хотя «Киевлянин» и оказал гуманитарную помощь группе русских офицеров, не испытывавших симпатии к украинцам, но все же считавших их меньшим злом и поэтому выступивших на стороне Центральной рады.

Несмотря на то, что Шульгин, исходя из своего анализа политической ситуации, не видел возможности оказать хотя бы моральную поддержку большевикам и вынужден был вести переговоры со своими заклятыми врагами украинцами, многие киевские обыватели, не вовлеченные в большую политику, настолько были утомлены украинизацией и полным развалом, царившим во всех сферах жизни, что готовы были отдать свои симпатии ленинскому Совету народных комиссаров и его местным сторонникам, ожидая, что пришедшие с севера советские войска освободят Киев от «мазепинцев». Конечно, говорить о том, что в Январском восстании участвовали члены черносотенных дружин, некорректно, так как к этому времени никаких рабочих правых организаций уже не существовало, но при этом представляется не только теоретически допустимым, но и весьма вероятным, что некоторые бывшие члены киевских монархических союзов действительно примкнули к большевикам, при этом не отказавшись от каких-то элементов своих прежних воззрений.

Их могли к этому подвигнуть и склонность к радикальным лозунгам, и авторитарный характер ленинской партии, и слабое понимание основ большевистской идеологии, и приверженность идее «единой неделимой России» – в противовес сепаратистам из украинской Центральной рады.

Январь 1918 года был интересным временем, когда крупные политические блоки, которые будут противостоять друг другу в годы Гражданской войны, еще только формировались, границы между ними были условными и не настолько определенными, как в последующие годы, в силу чего в Киеве можно было наблюдать парадоксальные на первый взгляд феномены: одного из идейных лидеров зарождающегося Белого движения Шульгина, готового заключить союз с Петлюрой, и местных монархистов-черносотенцев – настоящих и бывших, симпатизирующих большевикам как противникам сепаратизма и сторонникам «единой неделимой России».

Литература

1. Ответы товарищу N // Республиканец. 1917. 20 августа. № 13. С. 17–18.
2. Заклик до біженців селян Холмщини // Нова рада. 1918. 9 січня. № 5. С. 2.
3. Арешт «чорної сотні» у Києві // Народня воля. 1918. 29 (16) січня. № 12. С. 3.
4. *Чемакин А.А.* Русские националисты и электоральная борьба в Киеве в условиях революции и гражданской войны (1917–1919) // Российская история. 2019. № 5. С. 132–158.
5. *Шульгин В.* Керенский // Новое время. 1924. 9 марта. № 861. С. 2–3.
6. *Шульгин В.* Жестокая дилемма // Возрождение. 1927. 22 апреля. № 689. С. 2.
7. *Шульгин В.* Открытое письмо к Петлюре // Россия (Одесское издание). 1919. 22 (9) января. № 1. С. 1.
8. Лист В.В. Шульгина до С.В. Петлюри // Нова рада. 1919. 28 (15) січня. № 19. С. 3.
9. Афера В. Шульгина // Нова рада. 1919. 30 (17) січня. № 21. С. 1.
10. *Александрович В. В.* Шульгин // Столичный голос. 1919. 29 (16) января. № 15. С. 1.
11. *Маркотун С.* За кулисами петлюровщины // Общее дело. 1919. 26 ноября. № 61. С. 2–3.
12. *Шульгин В.В.* Земля (Поэма в прозе) // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 264.
13. Фрагменты из мемуарной книги В.В. Шульгина «Война без мира» / публ. Д.С. Московской, подг. текста Н.В. Петровой // Историография Гражданской войны в России: Исследования и публикации архивных материалов / отв. ред., сост. Д.С. Московская. М., 2018. С. 284–336.
14. Арест В.В. Шульгина // Южная копейка. 1918. 28 января. № 2499. С. 1.
15. *Шульгин В.* Лебединая песнь // Киевлянин. 1917. 17 декабря. № 277. С. 1.
16. *Шульгин В.В.* Докладная записка // ГАРФ. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 47а.
17. Спор о России: В.А. Маклаков – В.В. Шульгин. Переписка 1919 – 1939 гг. / сост., авт. вступ. ст. и примеч. О.В. Будницкий. М.: РОССПЭН, 2012.
18. *Бельговский К.* Летопись (1 ноября 1917 – 17 февраля 1918 г.) // Малая Русь. 1918. Вып. второй. С. 3–30.
19. *Абакумов А.В.* Киев. Январь 1918. Кто герои, а кто мятежники? // Русская правда. 2004. № 2. С. 9.
20. Комментарий А.Г. Плахонина от 30 января 2013 г. [Электронный ресурс] // Живой журнал / Режим доступа: <https://zalzyaka.livejournal.com/570621.html?thread=2606845#t2606845>
21. Від Ради Народніх Міністрів Української Народньої Республіки // Нова рада. 1918. 24 січня. № 13. С. 2.
22. Воззвание с.-д. меньшевиков // Киевская мысль. 1918. 23 января. № 14. С. 2.
23. Товарищи рабочие г. Киева! // Робітнич газета. 1918. 25 січня. № 232. С. 1.
24. *Кальченко Т.В.* Монархическое движение в Киеве и на территории Киевской губернии (1904–1919): Историческая энциклопедия. Киев: Интерконтиненталь-Украина, 2014.
25. История завода «Арсенал» имени В.И. Ленина. Киев: Наукова думка, 1986.
26. *Дорошко Ф.* Київський арсенал і більшовики // Робітнич газета. 1918. 7 березня. № 242. С. 2–3.
27. Избирательные курьезы // Киевская мысль. 1917. 29 ноября. № 284. С. 2.
28. Монархисты-большевики // Киевская мысль. 1917. 26 ноября. № 282. С. 4.
29. Письмо в редакцию // Киевская мысль. 1917. 28 ноября. № 283. С. 2.
30. *Шульгин В.* Большевики и монархисты. I // Киевлянин. 1917. 9 декабря. № 270. С. 1.
31. *Заславский Д.* Раздробленная Россия // Киевская мысль. 1917. 16 ноября. № 274. С. 1.
32. Черная сотня и большевики // Киевская мысль. 1917. 26 ноября. № 282. С. 3.

33. *Степанов С.* Черная сотня. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Эксмо; Яуза, 2005.
34. *Иванов А.А., Стогов Д.И.* Черносотенцы и большевики: правый взгляд на триумфаторов Октября // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды: Сб. научн. ст. / ред. колл.: А.Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д.А. Бажанов, А.А. Иванов. СПб., 2009. С. 90–98.
35. *Агурский М.С.* Идеология национал-большевизма. М.: Алгоритм, 2003.
36. Присоединение к декларации // Путь рабочего. 1919. 31 августа. № 4. С. 2.
37. Выдержки из газет и документы о работе профсоюзов в Киеве при Деникине (Кирстовщина), август – ноябрь 1919 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 71. Оп. 3. Д. 1109.
38. *Бинецкий А.В.* Записки о 1917 и 1918 г. Киев // ГАРФ. Ф. Р-6562. Оп. 1. Д. 1.
39. Одесский мартиролог: Данные о репрессированных Одессы и Одесской области за годы советской власти. Т. 3 / сост. Л.В. Ковальчук, Г.А. Разумов. Одесса: ОКФА, 2005.
40. Воспоминания ген. В.А. Мустафина о назначении его одесским губернским старостой в период правления гетмана П.П. Скоропадского // Гетман П.П. Скоропадский. Украина на переломе. 1918 год: Сборник документов. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 426–488.
41. Кто такой Муравьев? // Новая жизнь. 1917. 2 (15) ноября. № 170 (164). С. 4.
42. *Шульгин В.* Дворец императрицы // Россия и славянство. 1928. 8 декабря. № 2. С. 3–4.
43. *Шульгин В.* Открытое письмо // Киевлянин. 1918. 25 февраля (10 марта). № 16. С. 1.
44. *Шульгин В.* Передовая от 23 января // Киевлянин. 1918. 23 января. № 14. С. 1.
45. *Шульгин В.* Дворец и тюрьма // Малая Русь. 1918. Вып. второй. С. 34–82.
46. *Стецько.* [Малюнок] // Гедз. 1918. № 3. С. 3.

Аннотация. Статья посвящена позиции русских монархистов Киева, оказавшихся в январе 1918 года между воюющими друг с другом украинцами и большевиками. В.В. Шульгин, один из лидеров «русской партии» Киева, попытался заключить тактический союз с украинцами в лице С.В. Петлюры для противодействия наступающим большевистским войскам, но переговоры ни к чему не привели. В конце концов основные структуры русского движения, как и большая часть русских киевлян, остались в стороне от украинско-большевистского конфликта. Несмотря на то, что миф об участии черносотенных партий в большевистском восстании на «Арсенале» не подтверждается, какая-то часть бывших членов рабочих монархических союзов, по всей видимости, действительно примкнула к восставшим. Автор делает вывод, что в начале 1918 года в Киеве окончательно еще не сложились те политические группировки, которые будут противостоять друг другу в Гражданской войне, в силу чего имели место тактические политические союзы, малопредставимые в последующие годы.

Ключевые слова: Киев, черносотенцы, монархисты, большевики, украинцы, «Арсенал», В.В. Шульгин, С.В. Петлюра, М.А. Муравьев

Anton A. Chemakin, PhD in History, Senior Lecturer, Institute of History, Saint-Petersburg State University.
E-mail: a.chemakin@spbu.ru

“The Actual Population of Kiev... Stays Neutral”: Russian Monarchists and Bolshevistic-Ukrainian Confrontation (January of 1918)*

Abstract. The article is devoted to the viewpoint of Russian monarchists in Kiev who were caught in the crossfire of the Ukrainians and the Bolsheviks fighting with each other. One of the leaders of the “Russian Party” in Kiev V.V. Shulgin tried to enter into a tactical alliance with the Ukrainians in the person of S.V. Petliura in order to resist the advancing Bolshevik forces, but the negotiations collapsed. In the long run the main structures of the Russian movement, as well as the majority of the Russians in Kiev did not participate in the conflict of the Ukrainians and the Bolsheviks. And though the myth of the Black Hundreders participating in the Bolshevistic uprising at “Arsenal” plant was not confirmed, a certain part of the former members of workers’ monarchist unions most probably joined the rebels. The author comes to the conclusion that in the beginning of 1918 in Kiev the political groups that later confronted each other in the Civil War, were not finally formed, so there occurred certain tactical unions that were hardly imaginable in the later years.

Keywords: Kiev, Black Hundreders, Monarchists, Bolsheviks, the Ukrainians, “Arsenal”, V.V. Shulgin, S.V. Petliura, M.A. Muravyov.

*The reported study was funded by RFBR, project number 20-09-00414 “‘Bogdanians’ against ‘mazedians’: Russian movement in Kiev in 1917–1919”.